08.12.2021 20:41:00

Суды переходят к ковид-арестам

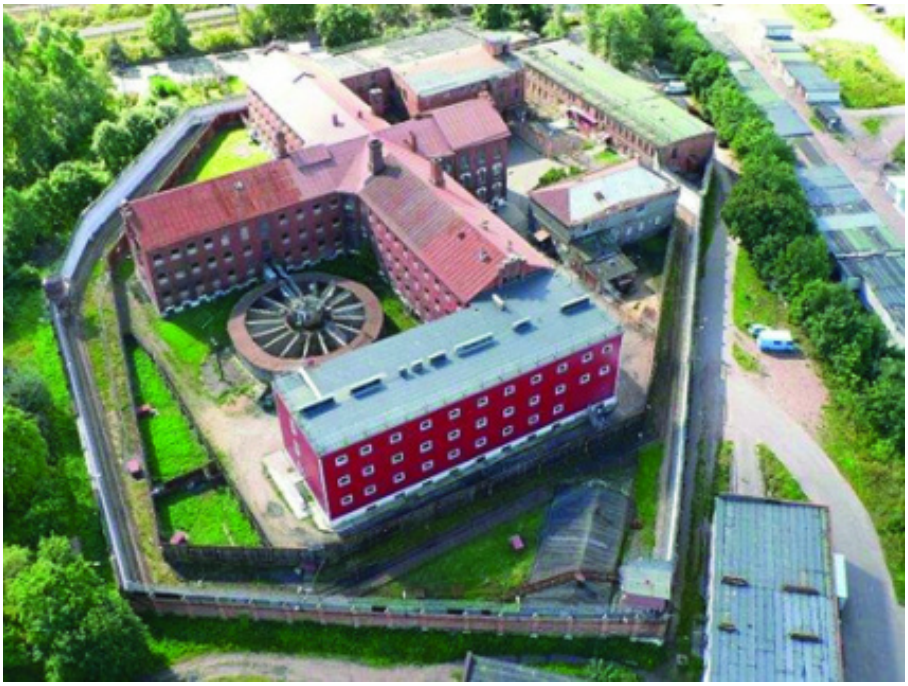
Содержание в СИЗО могут продлить под предлогом неофициального карантина

Екатерина Трифонова
Корреспондент отдела политики "Независимой газеты"

Тэги: коронавирус, пандемия, covid 19, карантин, ограничения, сизо, правозащита, злоупотребления

Все статьи по теме "Коронавирус COVID-19 - новая мировая проблема"

On-Line версия

Петербургский изолятор № 3 экспериментирует с очередными коронавирусными ограничениями. Фото с сайта www.vyborg-sizo.ru

Адвокаты опять возмущаются тем, что ограничительные меры, «направленные на борьбу с новой коронавирусной инфекцией», постоянно нарушают право граждан на защиту. Например, все чаще подтверждаются опасения, что под предлогом карантина юристов могут вообще перестать пускать в СИЗО на встречи с доверителями. Уже есть прецеденты, когда суды, опираясь на справки от тюремщиков о якобы возможном контакте обвиняемого с заболевшими ковидом, продлевают тому содержание под стражей без него самого и его защитника.

Самое новое злоупотребление – недопуск адвоката в следственный изолятор к подзащитному, потому что тот якобы находится на карантине после контакта с заболевшими сокамерниками. Причем было отказано даже в общении через стекло. После чего суд, сославшись на справку из СИЗО, отказался отложить заседание по продлению этому гражданину меры пресечения или провести слушания по видеосвязи. Без участия обвиняемого было просто вынесено решение о продолжении его ареста исключительно ради здоровья всех людей.

Пока, как пояснили «НГ» эксперты, это единичные случаи, с которыми уже столкнулись, к примеру, адвокаты из Петербурга. Они серьезно опасаются, что в условиях, когда пандемией оправдывают любые процессуальные нарушения, не будет удивительным, если такие истории в ближайшее время станут обычными. Хотя, по словам адвоката МКА «Центрюрсервис» Екатерины Тютюнниковой, «данная ситуация не новость и для Москвы». Здешние суды с начала введения ограничительных мер периодически выходят за пределы норм, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом (УПК). По ее словам, «обычным делом в суде стало рассмотрение ходатайств следствия и гособвинителей о продлении сроков содержания под стражей посредством ВКС, что в принципе не предусмотрено УПК для первой инстанции». Как напомнила Тютюнникова, ч. 13 ст. 109 УПК допускает продление срока действия меры пресечения в отсутствие обвиняемого в исключительных случаях. Например, если тот находится на стационарной судебно-

психиатрической экспертизе или при наличии «иных обстоятельств», исключающих возможность доставления обвиняемого в суд. Но это должно быть подтверждено соответствующими документами. Де-факто таковым сейчас является справка о том, что человек находится в СИЗО на карантине, но проверить достоверность этих данных просто невозможно. При этом, заметила Тютюнникова, «вовсе не обязательно, что в справке будет указана фамилия обвиняемого», иногда речь идет о некой бумаге, в которой просто написано: в связи с ограничительными мерами доставка в суд и ВКС невозможны.

Партнер КА «Pen & Paper» Анатолий Логинов пояснил «НГ», что под настоящими документами следовало бы понимать, к примеру, приказ руководителя СИЗО о введении карантина. «Ссылка на то, что конкретный человек помещен на карантин, не может являться достаточным основанием для отказа в предоставлении права на участие в судебном заседании», – заявил эксперт. В соответствии с законом, подчеркнул он, «контакт содержащегося под стражей лица с зараженными гражданами, так же как и карантин в учреждении, не могут быть причиной отказа в свидании с защитником». Обвиняемый имеет право на встречи с адвокатами без препятствий и ограничений во времени, указывается в законодательстве. Но, к сожалению, сказал Логинов, в некоторых СИЗО – скажем, именно в вышеупомянутом питерском изоляторе № 3, «администрация самовольно принимает подобные решения», несмотря даже на постоянные указания со стороны надзирающего прокурора об устранении нарушений. Еще одним из «хитрых» шагов того же СИЗО является введение санитарного дня по пятницам якобы в качестве меры предотвращения распространения инфекции.

«Такие ситуации являются вопиющим нарушением норм действующего законодательства РФ и международного права», – заявил «НГ» руководитель МКА «Князев и партнеры» Андрей Князев. Эпидемиологическая ситуация может учитываться, но она не должна ущемлять права граждан на квалифицированную юрпомощь. Защитник, оказывающий услуги на основании ордера, может общаться с доверителем неограниченное количество раз. При этом такие свидания должны проходить вне пределов слышимости других лиц и в отсутствие технических средств прослушивания. На практике это далеко не всегда соблюдается, особенно в период пандемии, из-за которой под ограничения попадают и больные, и здоровые.

Все это наглядно иллюстрирует систематические ограничения права на защиту, которые присутствуют в судебной практике, заметил адвокат Сергей Колосовский. В соответствии с целым рядом международных актов каждый обвиняемый «вправе иметь достаточно времени и возможностей для подготовки своей защиты», беспрепятственно встречаться с защитником, чтобы совместно обсуждать позицию по делу. Точно такие же нормы есть и в законодательстве РФ, но, к сожалению, суды «воспринимают их как некую формальность». А вышестоящие судебные инстанции сквозь пальцы смотрят на подобные нарушения, поэтому и право обвиняемого на беспрепятственное взаимодействие с защитником нарушается «повсеместно и самыми разнообразными способами». «Что же касается собственно продления срока содержания под стражей в отсутствие обвиняемого, то здесь необходимо отметить, что данная ситуация законом допускается. При этом ч. 13 ст. 109 УПК допускает продление срока действия меры пресечения в отсутствие обвиняемого при наличии «иных обстоятельств», исключающих возможность доставления обвиняемого в суд. Подобная абстрактная формулировка позволяет и в этой части манипулировать правом на участие обвиняемого в судебном разбирательстве», – пояснил эксперт. Однако невозможность организации присутствия обвиняемого на заседании посредством ВКС уже не может быть объяснена никакими противоэпидемиологическими мерами.

Адвокатская корпорация, напомнил Колосовский, обязательно реагирует на такие нарушения, однако «когда самые вопиющие препятствия устраняются, вместо них тут же воздвигаются новые». За два года пандемии ни у кого так и не нашлось времени выработать четкие правила проведения противоэпидемиологических мероприятий в СИЗО. В результате в каждом изоляторе свои правила, которые все «существенно осложняют реализацию права на защиту». К примеру, в одном из СИЗО Свердловской области общение адвоката с доверителем проходит «посредством телефонной связи при визуальном контакте через стекло». «Естественно, такой разговор контролируется, а значит, полностью исключается одна из основных составляющих квалифицированной юрпомощи – конфиденциальность». «В соответствии с ч. 3 ст. 56 Конституции право на защиту не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах, даже в условиях режима ЧП. Таким образом, все описанные ограничения по сути своей противоречат Основному закон РФ», – подчеркнул эксперт.

Управляющий партнер юркомпании AVG Legal Алексей Гавришев также утверждает, что уловки следователей, связанные с карантинными мерами, и полная их поддержка прокуратурой и судом приводит к ситуации, когда нарушения становятся устоявшейся нормой: «Мы имеем дело с лицемерием, когда под благовидным предлогом заботы о здоровье заключенного и его адвоката грубейшим образом нарушаются права обоих». Пандемия для всех госорганов, по его словам, становится действенным аргументом, оправдывающим любые процессуальные нарушения, особенно связанные с ограничением свободы.

Как напомнил «НГ» адвокат Олег Крупочкин, Конституцией регламентировано право каждого на судебную защиту его прав и свобод, в том числе путем обжалования в суд решений и действий (или бездействия) органов госвласти и их должностных лиц (части 1 и 2 ст. 46). То есть речь в данном случае идет о возражении относительно избрания (продления) меры пресечения в виде заключения под стражу. Согласно же ч. 3 ст. 56 Основного закона «не подлежат ограничению права и свободы человека и гражданина, предусмотренные, в частности, ст. 46 Конституции РФ». «В соответствии с этими конституционными положениями в УПК предусмотрено, что обвиняемый вправе участвовать в рассмотрении судом вопроса об избрании в отношении него меры пресечения, а принятие судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого допускается только в случае его объявления в международный и (или) межгосударственный розыск», – подчеркнул эксперт. То есть у обвиняемого, не объявленного в такой розыск, есть безусловное право на участие в судебном заседании, которое не подлежит ограничению. Нормативные же акты – указы президента РФ, губернаторов, законы субъектов РФ, приказы министерств, главных врачей и т.д., не предусмотренные УПК, не принимают участие в регулировании уголовного судопроизводства. Поскольку нормы, не участвующие в этом, не подлежат применению судом, то вопрос об их противоречии УПК и Конституции даже не может быть поставлен. А к продлению меры пресечения в виде заключения под стражу применяются те же правила судопроизводства, что и к ее избранию. И поскольку суд входит в независимую судебную ветвь госвласти, то иные органы и должностные лица не имеют полномочий руководить им, в том числе устанавливать правила, которыми должен руководствоваться суд. Но особенность российского судебного правоприменения в том, что суды не осуществляют судебную власть, а исполняют то, что от них требуют. Это фундаментальная и сложная проблема, имеющая несколько причин: и заинтересованность власти, назначающей судей, и скудный (формальный) опыт досудейской работы, и нежелание судей делать вклад в развитие правовой системы, и неозабоченность своей репутацией среди граждан и адвокатов. В общем, данная проблема является политической, так что для ее решения необходима политическая воля.